
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Л.А. Артамонова*

**«ПРАВДА НАРОДНАЯ» И «ПРАВДА СРЕДЫ»:
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»**

В статье на материале очерка «Среда» из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского рассматривается магистральный мотив русской литературы – проблема вины, наказания и страдания. Выделяется и анализируется социально-психологический тип государственного служащего, присяжного заседателя, как историософский тип, который выражает собой два мировоззренческих полюса – «правду народную» и «правду среды» и представляет перспективы будущего исторического пути духовной жизни России.

Ключевые слова: историософия, тип, социализм, христианский идеал, вина, христианская антропология.

Ф.М. Достоевского всю жизнь волновал вопрос о ценностных, духовных основаниях исторического развития России. В «Дневнике писателя» эта проблема приобретает особое звучание и художественно-публицистическую остроту. Откликаясь на события и факты действительности, писатель стремился угадать исторический замысел России. Трепетное отношение к происходящему вокруг позволяло Достоевскому прозреть подспудное, неявное в фактах повседневности, то, что определяло настоящее и пророчески свидетельствовало о будущем. Судебная реформа 1864 года явилась одним из таких событий, попавших в центр внимания Достоевского. В отдельных примерах деятельности русского суда писатель увидел исток многих процессов, происходящих в духовной жизни современного общества и определяющих облик действительности. Интерес к реформе стал частью его размышлений о духовных основаниях человека. Проблема греха, вины была тесно связана с антропологической проблемой, с правдой о человеке.

Противопоставление «правды народной» и «философии среды» составляет идейный стержень размышлений Достоевского о суде. Выражая свою позицию, писатель выдвигает христианское сознание русского народа как критерий в определении пре-

* © Артамонова Л.А., 2013

Артамонова Людмила Александровна (kaа.88@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ступности и невинности. Так, «судебные страницы» «Дневника» оказываются окрашенными тревожной мыслью художника о состоянии нравственной правды в российском обществе.

Проблема соотношения «правды народной» и «правды среды» находится в центре внимания писателя в очерке «Среда». Носителями этих двух «правд» выступают присяжные заседатели. Достоевский представляет их в двух социально-психологических типах: крестьянина и человека из высшего общества. Казалось бы, на поверхности единство мнений присяжных заседателей в вопросе виновности или невинности подсудимого – стремление к оправданию. Однако Достоевского настораживает широко распространившаяся «ложная гуманность приговоров» [1, с. 458]. Писатель обнаруживает, что крестьянин и заседатель из высшего общества в своих решениях исходят из разных оснований – «правд».

Достоевский начинает очерк с размышления о распространившейся в русских судах тенденции повсеместного оправдания подсудимых: «<...> *манья оправдания* <...> захватила сплошь всех русских присяжных» [2. Т. 21, с. 13]. Дело в том, что главным аргументом при оправдании выступает жалость к преступнику: присяжные называют его «несчастливым», а преступление – «несчастьем». Однако подразумевают они под этим разное. Народ, называя преступника «несчастливым», исходит из «христианской правды», а чиновник руководствуется «правдой среды».

Народная жалость, именующая преступника «несчастливым», есть, по мысли Достоевского, «невывыказанная, бессознательная и только лишь сильно чувствуемая» [2. Т. 21, с. 17] глубинная черта, сокрытая в русском народе. Как отмечает писатель, «<...> *этим словом “несчастливые” народ как бы говорит преступникам: “Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте – может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам”*» [2. Т. 21, с. 17]. Необходимо отметить, что это глубинное свойство русского народа писатель постиг в личном опыте жизни. Как писал В.С. Соловьев, «*среди ужасов мертвого дома Достоевский впервые сознательно повстречался с правдой народного чувства <...>*» [3, с. 297]. Это народное чувство коренилось в «смиренной и благочестивой вере» каторжных: «*Товарищи Достоевского по острогу были в огромном большинстве из простого народа, и, за немногими исключениями, все это были худшие люди народа. Но и худшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют лучшие люди интеллигенции: веру в Бога и сознание своей греховности*» [3, с. 298].

Таким образом, Достоевский обращается к проблеме греха и вины. Народ не отрицает совершенного преступления, не снимает вины с подсудимого, а «знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником» [2. Т. 21, с. 18]. Необходимо отметить, что вопрос «кто виноват?» является одним из центральных мотивов в русской литературе XIX века. Как отмечает Б.В. Катаев, толкование Достоевским проблемы вины и виновности может быть поставлено в широкий контекст исканий русской мысли (Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов) [4, с. 41]. Как известно, Герцен решал вопрос о виновности человека, освобождая его от нравственной ответственности: «*Человек вовсе не преступник <...>. Стоит его поставить <...> в такие обстоятельства, чтоб он мог быть не мошенником, так он и будет так себе, хороший человек <...>*» [5, с. 221–222]. Ответ Достоевского переносит акцент «с внешнего, со “среды” и “порядков”, – на иное, лежащее в глубинах человеческих душ, <...> в нравственный и религиозный план» [4, с. 41]. Мысль о виновности каждого за все, что происходит в мире, получившая свое законченное воплощение в поучениях старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» («*Воистину всякий перед всеми за всех и за все виноват*» [2. Т. 14, с. 262]), вела к небывалой широте понимания природы человека. Признание своей вины, «боль сердечная» за совершенный грех способству-

ют очищению и духовному преображению как самого преступника, так и всех людей. «Войдем в залу суда с мыслью, что и мы виноваты» [2. Т. 21, с. 15] — предлагает Достоевский, и совместная, всеобщая боль за преступника, переживание его греха как своего станет началом исцеления.

Но эта народная «правда» может быть подменена позитивистской теорией «среды», получившей распространение в Европе и России: «Общество скверно, потому и мы скверны; <...> Столкнись мы — сделали бы то же самое, что и вы. Кто виноват? Среда виновата. Итак, есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе» [2. Т. 21, с. 17]. Философия «среды» исходит из утверждения обусловленности действий человека социальным устройством общества. Такой детерминистский взгляд на поведение определял сущность человека как полностью зависимую от окружающих условий. В лаконичной форме Достоевский так представляет данную теорию: «Так как общество гадко устроено, то в таком обществе нельзя ужиться без ножа в руках» [2. Т. 21, с. 16]. Писатель выступает против подобного взгляда на человека: «Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем “среда виновата”. Дойдем до того, <...> что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против “среды”» [2. Т. 21, с. 16]. Так Достоевский тонко намечает связь между философией «среды» и теорией «все позволено». Рассмотрение человеческого поведения только в контексте социального и общественного бытия приводит к разрушению нравственных оснований поступка человека.

Обозначив основные положения учения о «среде», писатель противопоставляет им христианский идеал. Провозглашая милосердие к согрешившему, христианство утверждает нравственный долг человека в преодолении влияния среды, «ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается» [2. Т. 21, с. 16]. Религиозная антропология, в отличие от теории «среды», не упрощает человека, не сводит его к обусловленности социальными обстоятельствами, а представляет его ответственным за свои действия. Достоевский подчеркивает различие между позицией детерминизма и христианским взглядом на человека: «<...> учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности» [2. Т. 21, с. 16], тогда как христианство подходит к человеку как к ответственному существу, тем самым признавая его свободу.

Таким образом, Достоевский представляет в очерке два противоположных взгляда на человека, и в столкновении данных позиций выражает свою точку зрения. Нетрудно заметить, что, критикуя учение о «среде», писатель выступает против идей социализма. В этом отношении интересно обратиться к его мыслям из письма к В.А. Алексееву (1876 г.), в котором писатель размышляет о связи учения о «среде» с идеями социализма: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причину всех бедствий человеческих одно — нищета, борьба за существование, “среда заела”» [2. Т. 29. Кн. II, с. 85]. Очевидно, что писатель критикует учение о среде как философскую основу социалистических идей. Сведение всех бед человечества к проблеме нищеты устраняет нравственную природу человека, его ответственность за совершенные поступки. Это и становится предпосылкой для возникновения идеи вседозволенности и полного освобождения от нравственного долга.

Выразителями представленных двух позиций в очерке выступают присяжные заседатели — крестьянин и чиновник. Как уже указывалось, народный тип, оправдывая преступника, говорит «христианскую правду», а чиновник — «правду среды». Называя преступника «несчастливым», крестьянин не отрицает его вины, а переживает его грех как свой: «народная идея состоит не в оправдании преступника и грешника <...>, а в осуждении греха при *неосуждении грешника*, неотделении себя от грешника, нера-

сторжении с ним братских связей <...>» [6, с. 410]. Всеобщая боль за преступника, сопричастность согрешившему, чуткость к его греху составляют основные черты народного типа. Оправдывая виновного согласно теории «среды», тип, представленный чиновником, «бежит от собственной жалости»: защищает преступника, «чтобы не страдать самому» [2. Т. 21, с. 16], чтобы не испытывать эту всеобщую «боль сердечную», не переживать тяжесть греха виновного. Отрыв от христианских ценностей, подмена чувства нравственного долга рациональной теорией, стремление уйти от ответственности в принятии решения являются основными характеристиками данного типа.

Итак, очевидно, что в описанных в очерке типах крестьянина и чиновника Достоевский представляет два взгляда на сущность человека: христианскую антропологию и социализм, заключающий в своей основе учение о «среде» («среда заела»). Эти две «правды» о человеке создают определенный образ мира. Социалистическая теория обусловленности действий человека обстоятельствами и социальным положением конструирует картину мира, в которой доминирует удовлетворение насущных потребностей, обусловленных социальной действительностью. Христианская антропология создает образ мира, в котором «не одним хлебом живет человек» [7. Втор. 8: 3], в котором человек ответственен за свои поступки.

Таким образом, тип государственного служащего, присяжного заседателя, предстает в «Дневнике писателя» как историософский тип. Его изображение в произведении связано с размышлениями Достоевского о России, ее историческом пути и назначении. Тип как выразитель основных идейных процессов в жизни общества показывает возможные направления исторического развития России. Изобразив присяжного заседателя, писатель указал на теорию «среды», широко распространившуюся в общественном сознании и заключающую в себе трагические последствия для духовно-нравственного развития человека. Однако, стремясь повлиять на действительность, Достоевский обозначил те основы духовности, на которых, по его мысли, должна строиться жизнь России, — христианский идеал «все за всех виноваты». «Правда народная», которая не отрицает ответственности человека за поступки, но милосердно переживает за грешника, является нравственным ориентиром для писателя в его историософских построениях. Поэтому можно говорить о том, что в контексте «Дневника» как «проповедующего слова» Достоевского «народный» тип призван выразить основную мысль писателя о России.

Библиографический список

1. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество // К.В. Мочульский. Гоголь. Соловьев. Достоевский / сост. и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1995. С. 219–562.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // В.С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 289–318.
4. Катаев Б.В. «Все за всех виноваты» (к истории мотива в русской литературе) // Достоевский и мировая культура: альманах. № 9. М.: Классика плюс, 1997. С. 40–45.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 11.
6. Касаткина Т.А. О творящей природе слова: онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. 480 с.
7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1993. 1376 с.

*L.A. Artamonova**

**«NATIONAL TRUTH» AND «TRUTH OF THE ENVIRONMENT»:
TO THE QUESTION ABOUT HISTORIOSOPHICAL CONCEPT
OF DOSTOEVSKY'S «DIARY OF A WRITER»**

In the article on the material of the essay «Environment» from Dostoevsky's «Diary of a Writer» the main theme of Russian literature – the problem of guilt, punishment and suffering is considered. The social and psychological type of public servant, a juror, is highlighted and analyzed as historiosophical type that expresses two ideological poles – «national truth» and «the truth of the environment» and provides a historical perspective of the future path of the spiritual life of Russia.

Key words: historiosophy, type, socialism, Christian ideal, guilt, Christian anthropology.

* *Artamonova Lyudmila Alexandrovna* (kaya_88@mail.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.